

Язык вражды и трудности перевода.

Галина Арапова возглавляет Центр защиты прав СМИ с 1996 года. Практикующий юрист, автор многих книг, лауреат престижных международных премий. Фото: Александр Зайцев

Сегодня СМИ и блогеры активно обсуждают судебное дело *Руслана Соколовского*, обвиняемого в экстремизме за скандальные видеоролики в Интернете. У всех на слуху имя *Евгении Чудновец*, которая за репост получила полгода колонии по другой статье и была оправдана на четвёртый месяц отбывания наказания. Современные реалии таковы, что срок можно получить не только за агрессивные высказывания, но и просто за лайк или дублирование чьей-то картинки в социальных сетях. Почему?

Эту непростую тему обсудили в Екатеринбурге на недавно прошедшем семинаре-практикуме о языке вражды в публичном пространстве. Одно из ярких выступлений подготовила известный медиаюрист, руководитель Центра защиты прав СМИ Галина Арапова (г. Воронеж). Мы поговорили с ней подробнее — об ответственности интернет-пользователей и журналистов, о возможных рисках, делах об экстремизме и разжигании розни.

— Галина Юрьевна, известно множество примеров порой совершенно неоправданно жёстких решений судов как в отношении СМИ, так и простых людей. Отчего это происходит?

— К сожалению, это сочетание нескольких факторов — нечёткие нормы права и существующая чёткая установка в правоохранительных органах на борьбу с любыми проявлениями экстремизма. Никто не спорит — экстремизм крайне опасен и с его проявлениями нужно бороться, но не так, чтобы люди боялись банально критиковать власти за ямы на дорогах. Так ведь с водой можно выплеснуть и ребёнка, ведь к экстремизму, помимо радикальных и опасных высказываний, относят часто и совершенно легитимные высказывания. Борьба с экстремизмом сейчас одна из приоритетных задач в стране, вот суды и предпочитают выносить решения в духе времени. К примеру, в 2016 году не было вынесено ни одного оправдательного приговора по делам об экстремизме.

При этом нужно чувствовать грань между критикой и спекуляцией на горячей теме. Давайте вспомним депутата райсовета в Карелии, который на митинге, где критиковали власти за плохую работу, сгоряча сказал, что раз уж мы здесь никому не нужны, может, проведём референдум, да и присоединимся к Финляндии? Местные жители по-соседски там часто бывают и видят разницу и в уровне жизни, и в отношении властей к людям. Его признали виновным и присудили штраф в 30 тысяч рублей за призыв к сепаратизму! Учитывая заслуги, не посадили, и даже в депутатах оставили...

Сейчас рассматривается немало судебных дел за то, что обычные граждане, общественники публично критически высказывались о политических событиях, действиях властей, и часто это квалифицируется как призывы к экстремистской деятельности, хотя призывов к насилию,

разжиганию розни в них не просматривается. Так что сами пользователи Интернета и журналисты должны оценивать правовые риски. Поэтому наш Центр занимается не только правовым просвещением, но и представляет в судах интересы СМИ, блогеров, интернет-порталов.

— **То есть учите распознавать язык вражды?**

— Да. Есть ещё один важный момент. Уголовные дела по экстремизму, разжиганию вражды всегда рассматриваются с проведением лингвистической экспертизы. Правоохранители, как правило, пользуются услугами ведомственных экспертов, что сразу же ставит под сомнение независимость их оценок. Например, печально известны экспертизы, которые делают сотрудники Института культурологии РАН *Батов* и *Крюкова*. Подумать только — лингвистическую оценку дают психолог и математик! Они находят экстремизм во всём. Известно дело, где они признали фразу «Убей в себе раба!» экстремизмом в форме призыва к насилию над самим собой, но это очевидный перефраз известного высказывания *Чехова* («по капле выдавливать из себя раба»). Молодой человек, распространявший листовки с этим слоганом, получил обвинительный приговор.

— **Сегодня люди имеют неприятности за высказывания в соцсетях...**

— С соцсетями вообще надо быть осторожными. Любое распространение информации на своей странице или в «паблике» является обычным публичным распространением, как если бы вы опубликовали это в СМИ или высказались на митинге. «ВКонтакте» давно известен своим безграничным сотрудничеством с правоохранителями, передаёт им IP-адреса и данные пользователей, а вот по публикациям в Фейсбуке пока ни одного дела не было. Надо сказать, что больше всего тонкостей в делах, связанных с разжиганием межнациональной, межконфессиональной розни. В полиции западных стран, да и у нас этим занимаются отдельные департаменты. Нельзя подпитывать нездоровые настроения в обществе, бытовую ксенофобию. Это, например, проявляется в том, что часто указывают национальность участников криминальной хроники просто для красного словца, даже тогда, когда это не имеет значения для описания конфликта.

— **Скажите, а вот по названным вами на семинаре многочисленным примерам судебных решений (некоторые из них мы даже процитировать не можем в силу вышесказанного), когда не совсем понятно — экстремизм/не экстремизм — были попытки обжалования?**

— Конечно были. Однако по таким делам это, к сожалению, весьма неэффективно. Здесь важно понимать, что вопрос не всегда состоит только в том, разжигает ли высказывание рознь. Важно, чтобы санкция была соразмерной деянию. В международной правовой практике считается, что за правонарушение, совершённое словом, не наказывают лишением свободы, должны быть иные меры реагирования. За репост картинки в Интернете, у которой было всего два просмотра, сажать человека на два года в тюрьму?

По многим делам, которые мы обсуждали, дела проиграны и поданы жалобы в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). И если ЕСПЧ придёт к выводу, что Россия таким судебным решением нарушила Европейскую конвенцию по правам человека и признает нарушение права на свободу, то вынесет решение в пользу заявителя. А если обращения в ЕСПЧ по какой-либо тематике превышает критическую массу, то ЕСПЧ укажет на системную ошибку в законодательстве или судебной практике, на необходимость принятия каких-то мер. Именно так в начале 2000-х у нас началась реформа в пенитенциарной системе — после рассмотрения в Евросуде первого российского дела осуждённого банкира *Калашникова* из Магадана, который жаловался на унижающие достоинство условия содержания в колонии.

— А если Европейский суд выносит решение в пользу заявителя, то компенсация за моральный вред выплачивается из бюджета страны?

— Совершенно верно. И суммы выплачиваются порой немалые. Например, за пытки или нарушение права на жизнь компенсации могут быть в десятки тысяч евро. Как правило, Россия исправно платит по решениям Европейского суда, если установлено, что на национальном уровне она не смогла обеспечить соблюдение прав человека, как обещала при ратификации Европейской конвенции. Однако у нас принят новый закон, который позволил Конституционному суду (КС) в некоторых случаях разрешать государству не исполнять решения Европейского суда. Это первый случай за все время существования Европейской конвенции. На мой взгляд, нельзя сначала ратифицировать международный договор, а потом сказать: если нас решение устраивает, мы его исполним. Вы либо принимаете юрисдикцию международного суда, либо нет.

Эксперты в области международного права понимают, что такую функцию возложили на КС не по юридическим, а скорее, по политическим соображениям. Он уже опробовал новые полномочия, разрешив не исполнять решение Европейского суда о лишении двух осуждённых права голосовать на выборах. Следующее решение, вопрос об исполнении которого поставлен перед КС — о собственности акционеров ЮКОСа, право которых Европейский суд счёл нарушенным и обязал выплатить им убытки и компенсацию в сумме около двух миллиардов евро. Но это всё же исключительные ситуации, основная масса решений Европейского суда Россией исполняется

<https://www.oblgazeta.ru/society/32457/>